

Каждую песню Сергей Образцов сопровождал небольшим комментарием, обращенным к радиослушателям, подавляющее большинство которых не знали французского языка. Передача имела огромный успех у публики, и по многочисленным просьбам слушателей была повторена еще 2 и 23 января 1955 года, а также 7 января на коротких волнах для жителей Сибири и Дальнего Востока. Передача «Певец Парижа» получила положительную оценку в советской печати, отзывы о ней появились в «Советской культуре» и «Литературной газете» [1, 2, 3, 4]. Во всех статьях, как и в письмах радиослушателей, особо отмечается, что и без того интересная передача еще больше выиграла от неповторимой манеры Образцова рассказывать о том, что ему дорого, вести увлекательную беседу с публикой. В первую очередь подкупала пусть не очень гладкая, но живая речь рассказчика: «...передача эта необычна <...> Скорее всего это беседа. Но не та холодная и сухая беседа, когда автор надевает на нос очки и, взяв в руки текст, отпечатанный на машинке, начинает вас поучать (“проводить беседу”). Нет. Просто кажется, что Сергей Образцов пригласил нас к себе домой, и вот, разговаривая за чашкой чая, ставит для нас пластинки, которые привез из Парижа. А попутно рассказывает о своей поездке, припоминает, задумывается, смеется, уверяет, сообщает, настойчиво убеждает» [3].

«Певец Парижа» не была первой передачей, в которой советские слушатели могли услышать имя Монтана. Отдельные его песни звучали в радиозфире и раньше. В газете «Советская культура» в октябре 1954 года была опубликована статья «Поет Ив Монтан», в которой сообщались краткая биография певца, основные темы его песен, описывалась манера исполнения [5]. Однако настоящее знакомство советской публики с творчеством Монтана произошло только после выхода в эфир передачи С.В. Образцова. Она стала настоящим событием для многих радиослушателей, Образцову писали сотни людей по всей стране, и большая часть отзывов была восторженной. Около 580 писем сохранилось в Российском государственном архиве литературы и искусства¹, в то время как сам Образцов писал более чем о восьмистах полученных им писем [6, с. 210]. При этом многие письма подписаны несколькими людьми или даже целыми коллективами: членами одной семьи, соседями, работниками одного завода или фабрики, учениками школы или вуза (одно из писем подписали 18 преподавателей и 135 студентов) [7].

Авторами большинства писем были жители Москвы, Ленинграда, Киева и других крупных городов европейской части страны; тем не менее, отклики на передачу о Монтане приходили и с Урала, из Средней Азии, Сибири, с Дальнего Востока. Небольшое число писем из этих регионов, а значит, и меньшее число слушателей, можно объяснить разницей во времени: в первый раз передача вышла в эфир в 21.00, в последующие разы — в 20.00

по московскому времени. Слушательница из Фрунзе жаловалась в своем письме Образцову: «...хорошо бы еще раз передать эту же передачу, но пораньше, так как мы, азиаты, не всегда имеем возможность слушать глубокой ночью (из-за большой разницы во времени)» [8]. Тем не менее, письма с откликами о передаче приходили со всей страны, что свидетельствует об известности Монтана на территории практически всего Советского Союза — ведь в середине 1950-х годов радио было самым доступным средством массовой информации в СССР. И хотя большинство писем приходило из крупных городов (Москвы, Ленинграда, столиц союзных республик, областных центров), о Монтане Сергею Образцову писали и жители небольших районных центров, поселков и деревень.

Большинство радиослушателей, откликнувшихся на передачу, были молодые люди, старшеклассники и студенты. Среди старшего поколения немало людей образованных — преподавателей, инженеров, врачей, журналистов, сотрудников научно-исследовательских институтов, издательств. Тем не менее, среди авторов писем также встречаются рабочие, шоферы, слесари, продавцы, колхозники, домохозяйки; некоторые слушатели не указывают свой род занятий, но большое количество орфографических ошибок в письмах свидетельствует о том, что их писали не очень образованные люди.

После выхода передачи «Певец Парижа» многие радиослушатели мечтали иметь у себя дома записи, тексты и ноты песен Монтана. Ни того, ни другого в Со-

¹ РГАЛИ. Ф. 2732 (С.В. Образцов). Оп. 1. Ед. хр. 312, 426, 1066—1070, 1074—1077, 1083, 1125, 1355.

ветском Союзе середины 1950-х годов не было. Мало кто из меломанов имел в своем распоряжении — дома или на работе — магнитофон, чтобы записать песни из радиоэфира. Большинство же слушателей вынуждены были дожидаться выхода пластинок. Один из них, житель крымского города Судак, жаловался в своем письме к Образцову: «Почему бы некоторые эти песни не выпустить в пластинках, прямо с комментариями Образцова, ведь иногда очень хочется послушать их, а радио не всегда угадывает настроение. Но у нас почему-то считают издавать записи песен зарубежных исполнителей как-то вроде неприличным что ли, один лишь П. Робсон избег этой участи» [9].

В то же время, в период всесоюзного увлечения Монтаном, его пластинки стали издаваться, причем, как отмечает ленинградская газета «Смена», немалыми тиражами: «Почти в каждой квартире, имеющей радиолу или патефон, можно найти грампластинки с песнями “Дорога оливо”, “Шоферы”, “Девушка на качелях”, “Бродячие акробаты” и другими, выпущенные большими тиражами Ленинградской фабрикой грампластинок. Только за минувший год их отпечатано более 200 000. <...> Всего Ленинградская фабрика грампластинок дала в торговую сеть около полумиллиона обычных пластинок с записями песен в исполнении Ива Монтана, не считая долгоиграющих» [10].

Однако если в Москве, Ленинграде и некоторых других крупных городах пластинки с песнями Монтана были «почти в каждой квартире» (хотя слово «почти» в советской печати могло трактоваться очень широко), то на всей остальной территории Советского Союза они оставались большой редкостью и дефицитом. Не лучше обстояло дело и с нотами и текстами песен. Радиослушатели нередко в своих письмах к Образцову обращались с просьбами издать или же выслать им тексты и ноты песен Монтана, жалуясь на то, что их невозможно найти даже в Москве, не говоря уже о провинциальных городах. Один из слушателей так описывает сложившуюся ситуацию: «Вы говорите, что песни французский народ любит, поет их на улице; и тут же можно купить ноты. Скажите, почему у нас не заведут таких порядков. У нас масса новых хороших песен <...> а ноты на эти песни нельзя купить даже в центральном магазине на Неглинной. Внизу в подъезде по 10 р. за лист спекулянты продают любую песню. Года через 1—2 ноты появляются, тогда, когда нужда в них исчезает. Весьма досадное явление» [11].

Другой слушатель — студент из Брянска — еще менее оптимистичен. Он просит Образцова прислать ему ноты трех песен из репертуара Монтана и при этом добавляет: «Мне кажется — Вы очень добрый и исполните мою просьбу, потому что нот в магазинах никогда не будет, даже, мне кажется, и при коммунизме» [12]. И хотя в 1956 году перед гастрольями Монтана в Советском Союзе было издано два нотных сборника с текстами его песен на русском и французском языках тиражом 50 тыс. экземпляров [13, 14] в столичном издательстве, это не могло удовлетворить спрос желающих по всей стране.

Таким образом, записи песен Монтана, ноты и тексты были доступны далеко не всем почитателям творчества французского певца, и большинству людей приходилось довольствоваться нечасто выходившими в эфир радиопередачами. Еще один источник, откуда поклонники Монтана могли получить информацию о своем любимце — периодическая печать. С момента выхода «Певца Парижа» многие газеты, в том числе общедоступные «Правда», «Комсомольская правда», «Советская культура», помещали на своих страницах развернутые статьи о жизни и творчестве певца. Перед приездом Монтана в СССР в конце 1956 года много писали о его предстоящих гастролях, публиковались интервью, где он говорил о своих будущих концертах и об ожидаемой встрече с советской публикой. Во время же гастролей певца многие газеты, как центральные, так и региональные, печатали настоящую хронику пребывания его и Симоны Синьоре в Советском Союзе: описывались концерты, посещения заводов и колхозов, официальные и неофициальные визиты, досуг и отдых.

Помимо Образцова о творчестве Монтана писали Сергей Юткевич [15] и Марк Бернес [16]. В некоторых журналах появлялись статьи с анализом сценического творчества Монтана. Так, в журнале «Театр» была опубликована статья о Монтане-исполнителе, о сыгранных им персонажах песен, о традиционном и современном в его героях [17]. Статья известного музыковеда, профессора В.А. Васиной-Гроссман посвящена музыке песен Монтана — музыкальным жанрам, интонациям, значениям ритма [18].

Самым популярным источником о жизни и творческом пути Монтана стала книга воспоминаний самого певца — *Du soleil plein la tête* («Солнцем полна голова»), вышедшая в Париже в 1955 году под редакцией Ж. Дени [19]. В ней Ив Монтан подробно рассказывает о своей семье, о детстве в беднейших кварталах Марселя, о первом трудовом опыте, начале певческой карьеры, которую он вынужден был оставить в первые годы Второй мировой войны. Затем, хотя уже не так детально, он пишет о своем переезде в Париж в 1944 году, о встрече с Эдит Пиаф, о первых своих шагах на профессиональной эстраде и в кино. Книгу сразу же начали переводить на русский язык. В течение 1956 года отрывки из нее стали печатать в «Комсомольской правде», «Вечерней Москве», «Иностранной литературе»² и других периодических изданиях, читать в радиопередачах. К приезду Монтана в СССР в конце того же года книга появилась одновременно в трех изданиях: сокращенный вариант в «Библиотеке “Огонька”» (изд. «Правда») и полные тексты в издательствах «Молодая гвардия» и «Искусство» [20—22]. В переводе книги для первых двух издательств, как, впрочем, и для периодики и радио, принимала участие Ольга Александровна, супруга С.В. Образцова. В РГАЛИ сохранился

² Комсомольская правда. 1956. 7 февр.; Вечерняя Москва. 1956. 19, 26 мая; Иностранная литература. 1956. № 5—7.

черновик ее письма Монтану, в котором она просит его прислать несколько своих фотографий для русского издания, а также предлагает самому выбрать цвет обложки [23]. С.В. Образцов попросил певца написать небольшое вступительное слово, обращенное к советским читателям [24]. Общий тираж трех изданий составил 315 тыс. экземпляров, чего опять же не хватило всем почитателям французского певца, особенно на периферии. К Образцову в своих письмах нередко обращались жители небольших городов из разных уголков страны с просьбой прислать книгу «Солнцем полна голова» для себя или для библиотеки. На некоторые просьбы Образцов откликнулся, и книги посылались, о чем свидетельствуют пометы на конвертах или благодарственные письма поклонников Монтана, получивших заветный экземпляр его воспоминаний.

В конце 1956 года Монтан был приглашен в гастрольный тур по Советскому Союзу и восточноевропейским странам. Чтобы решиться пригласить в СССР столь знаменитого западного эстрадного исполнителя, руководство страны должно было быть уверено в его симпатии к коммунистическому режиму и политике КПСС. В этом отношении Монтан был вполне подходящей фигурой. На момент первого знакомства советской публики с его творчеством Монтан был убежденным коммунистом, хотя формально никогда не был членом Французской коммунистической партии (ФКП). Он родился и вырос в простой рабочей семье; его отец, Джованни Ливи, будучи членом Итальянской коммунистической партии, бежал с семьей во Францию после установления в Италии фашистского режима. Старший брат Монтана, Жюльен Ливи, был видным деятелем ФКП. Сам Монтан не понаслышке знал жизнь простых рабочих — с одиннадцати лет он работал на макаронной фабрике, в парикмахерской, в начале Второй мировой войны был докером и молотобойцем. Он рос и воспитывался в среде, где быть коммунистом было естественно, и сам в последующие годы верил в коммунистические идеалы. В последней главе своей книги «Солнцем полна голова» Монтан писал: «Я не скрываю своих политических симпатий. <...> Я воспитывался в рабочей среде. Я сам вел тяжелую жизнь рабочего. Я на собственном опыте узнал, что такое эксплуатация. Я верю в революцию, которая сможет установить социальную справедливость. <...> Я стараюсь также, чтобы мои песни служили товарищеским паролем и помогали братскому единению людей» [22, с. 137].

Живя во Франции, Монтан искренне верил, что Советский Союз — это страна, где побеждена эксплуатация, где нет богатых и бедных — одним словом, страна, осуществившая надежды миллионов рабочих по всему миру. Он продолжал верить в это и после знаменитого доклада Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС с разоблачением преступлений Сталина и его культа личности — ведь если руководство страны способно на признание своих ошибок и самокритику, с режимом в целом все в порядке и такое общество вполне жизнеспособно. Незадолго до своих гастролей в СССР Монтан говорил в одном из

интервью: «Советский Союз представляет собой в мировой истории такой значительный опыт, что путешествие в СССР не может быть для меня, так же как и для любого другого человека, обычной поездкой. Я говорю себе: “Ты увидишь, какую форму приняли надежды всех тех, кто с энтузиазмом говорил о них, когда ты был еще малышом, во что вылилось все то, о чем ты думал <...> с тех пор, как перестал быть малышом”» [25].

Не удивительно, что в газетах и по радио при знакомстве советской публики с певцом Парижа неизменно повторялось: Монтан — убежденный коммунист, борец за мир, свободу и справедливость. Неоднократно отмечалось, что героями его песен были самые простые люди из рабочей среды: шофер, токарь на заводе «Ситроен», маленький чистильщик обуви с Бродвея. Монтан выступал против подписания Парижских соглашений о вхождении ФРГ в Западноевропейский союз с правом иметь собственную армию — его имя было названо среди тех, кто «так или иначе, поднял голос протеста против создания нового вермахта» [26]. Таким его видели многие — поклонники его таланта: «Слушая эти песни, еще больше наполняешься уверенностью в том, что народ Франции рано или поздно навсегда изгонит из своих городов и сел армии американских солдат, наводнивших страну по воле правителей Франции и их американских хозяев. “Великий народ Франции не допустит новой войны!” — слышится за словами простой песенки о солдате» [27].

Приезд Монтана в Советский Союз планировался еще в 1955 году, но первая конкретная дата была назначена на середину сентября 1956-го. С французской стороны организацией гастролей занималось Парижское литературное и артистическое агентство, возглавляемое Жоржем Сориа, писателем-коммунистом, участником гражданской войны в Испании. С советской стороны за приезд французских артистов отвечало Гастрольное бюро СССР (Гастрольбюро) [28], решение же о приглашении Монтана принималось Министерством культуры и ЦК КПСС [29]. Изначально начало гастролей было запланировано на середину сентября 1956 года, но из-за съемок в фильме «Салемские колдуньи», где были заняты Монтан и Синьоре, приезд в СССР дважды откладывался и был назначен только на 12 ноября. Эта дата была официально объявлена Монтаном в интервью газете «Юманите» 3 ноября 1956 года [30].

На следующий день после этого заявления разыгрались трагические события в Венгрии. Еще 23 октября в Будапеште была организована демонстрация с требованием вывода советских войск из страны, организации свободных выборов, свободы слова и печати. Манифестанты снесли семиметровый бронзовый памятник Сталину, атаковали Дом радио; демонстрация постепенно превращалась в восстание. В Кремле быстро оценили ситуацию: если вовремя не вмешаться, Венгрия выйдет из сферы влияния СССР, а затем распадется вся система, скрепленная Варшавским договором. 4 ноября советские танки, стоявшие под Будапештом, открыли огонь по восставшим, убитых и раненых исчисляли тысячами.

Во Франции жестокое подавление венгерского восстания вызвало волну негодования, нередко направленного против Французской коммунистической партии. 7 ноября, в день годовщины Октябрьской революции, толпы французов вышли на улицы, протестуя против советской агрессии в Будапеште, и с криками «Смерть Торезу!» атаковали штаб-квартиру ФКП и редакцию газеты «Юманите». Большая часть французской интеллигенции единодушно осудила действия Советского Союза в Венгрии.

Поскольку французская компартия официально была солидарна с действиями Москвы при наведении порядка в Будапеште, многие интеллигенты левого толка — имевшие партбилет или просто сочувствовавшие ФКП — открыто выразили свое недовольство ее политикой.

8 ноября во «Франс Обсерватёр» была опубликована петиция под названием «Против советского вмешательства», подписанная Сартром, Симоной де Бовуар, Веркором, Ж.-Ф. Ролланом и другими. Две недели спустя в этом же еженедельнике появился текст, озаглавленный «Г-н Пикассо и девять интеллектуалов выступают против “посягательства на революционную честность”», подписанный десятью членами Французской коммунистической партии [31, р. 177—182].

При таких обстоятельствах предстоящие гастроли Монтана в СССР были бы расценены как одобрение действий советских властей в Венгрии. Певцу не хотелось отказываться от выступлений перед советской публикой, которая ожидала его с таким нетерпением, но, видя по телевизору кадры жестокой расправы над восставшими и танки на улицах Будапешта, он начал сомневаться в целесообразности этой поездки. И если доклад Хрущева на XX съезде КПСС с перечислением преступлений Сталина не поколебал его доверие к СССР и веру в коммунистические идеалы, то увиденная хроника венгерских событий заставила его над многим задуматься и во многом усомниться. Сначала Монтан заявил, что поедет, так как у него подписан контракт и есть обязательства перед советской публикой, но за день до своего предполагаемого отъезда он решил на время отложить свое турне: «Мы с моими музыкантами приняли решение отложить наши гастроли в СССР и в страны народной демократии. События, происходящие в мире, и положение дел во Франции в настоящее время не позволяют нам покинуть нашу страну и наши семьи и поехать куда бы то ни было»³.

Перенеся гастроли на неопределенный срок, Монтан выиграл время, но продолжал колебаться. Жан-Поль Сартр так определил ситуацию, в которой оказался певец: «Если Вы поедете, вы поддержите русских, если останетесь — поддержите реакционеров»⁴. В конце ноября, когда коммунистический режим в Венгрии был восстановлен, Монтану нанес визит первый секретарь советского посольства в Париже с целью уговорить его приехать в СССР. В.И. Ерофеев, советник посольства

СССР во Франции, хорошо знавший певца, в свою очередь также убеждал Монтана поехать на гастроли. Он был уверен, что приезд французского артиста не только способствовал бы укреплению культурных связей между двумя странами, но и помог бы приподнять железный занавес между СССР и Западом, сыграл бы важную политическую роль [34, с. 367].

Решение все-таки поехать в Советский Союз было принято спонтанно. Незадолго до этого Монтан подписал контракт на съемки в фильме о Модильяни, и продюсер заявил ему, что он не получит роль, если согласится на гастроли в СССР. И тогда Монтан ответил: «Что ж, до сих пор я не принял решения, но теперь мне все ясно: я еду» [35, р. 190]⁵. Отъезд был назначен на 16 декабря.

Ив Монтан официально никак не комментировал венгерские события и не высказывался относительно своих сомнений, принимать ли ему приглашение СССР или нет. В докладных записках в ЦК КПСС вся ответственность за перенос гастролей была возложена на музыкантов Монтана, напуганных нападениями и прямыми угрозами «со стороны французской реакции». О самом же певце говорилось, что он «тяжело переживал этот факт и заявил совпосольству, что он намерен был даже поехать один в СССР “не для того, чтобы петь, но для того, чтобы советские люди не подумали, что он сволочь”» [36]. Известно, в какой момент и при каких обстоятельствах была произнесена эта фраза, но она вполне соответствовала сложившемуся на тот момент в СССР образу Монтана как убежденного коммуниста и друга Советского Союза.

3 декабря Монтан при участии Симоны Синьоре написал письмо Образцову, в котором сообщал о своем скором приезде в СССР. Два дня спустя это письмо было опубликовано во французских газетах «Юманите», «Либерасьон» и «Франс Суар», а 12 декабря по просьбе артиста появилось и в «Известиях»⁶. Возможно, этим письмом Монтан хотел объяснить советской, а в большей степени французской стороне, а также самому себе, почему он все-таки согласился поехать на эти гастроли. Он намеренно обращается не в ЦК КПСС или Министерство культуры СССР, а к Образцову — частному лицу, режиссеру и директору театра кукол, чтобы остаться в рамках культурных связей между двумя странами. Тем не менее, вопросы политики и здесь вышли на первый план: «Я хотел бы, чтобы Вы знали сегодня о том глубоком смятении, в которое венгерская драма повергла большое число французов и, в частности, участников в защиту мира, — единственной организации, в которой я состою.

Многие французы устояли перед огромным и чудовищным аппаратом антисоветской пропаганды, доказав это тем, что не примкнули ни к одному публичному заявлению этой пропаганды, но тем не менее они ставили и еще продолжают ставить перед собой некоторые вопросы.

К ним отношусь и я.

³ L' Aurore. 1956. 12 novembre. Цит. по: [32, р. 356].

⁴ Цит. по: [33, р. 153].

⁵ Роль Модильяни в фильме «Монпарнас, 19» в итоге сыграл Жерар Филип.

⁶ Оригинал письма находится в РГАЛИ [37].

Сегодня, после окончания Национального Совета Мира, хоть и существуют расхождения во мнениях между его членами по вопросу об истолковании, которое следует дать венгерским событиям, при полном единодушии в осуждении продолжения войны в Алжире и суэцкой авантюры, мы все вместе, все борцы за мир всех политических мнений, всех без различия религиозных и философских взглядов, — как работники умственного, так и физического труда, — все мы приняли торжественное решение воспрепятствовать всеми нашими средствами возобновлению холодной войны и, следовательно, возможности возникновения настоящей войны.

И поэтому, что касается меня, я счастлив просить Вас объявить советской публике о моем скором приезде. Я смогу таким образом в моей области — я в этом уверен — содействовать укреплению и развитию связей, которые являются вкладом в деле упрочения мира».

В этом письме Монтан, как и во всех своих заявлениях для прессы за прошедший месяц, не осуждает, да и вообще не дает никакой оценки венгерским событиям. Он лишь говорит о «глубоком смятении» и некоторых возникших перед ним вопросах, которые он, однако, не формулирует. Его тон предельно сдержан; и если для себя он не мог однозначно разрешить возникших перед ним противоречий, то свои официальные заявления он продолжал делать как сторонник коммунистической партии, не решаясь осуждать ее действия. Одной из основных целей своих гастролей Монтан называет «дело упрочения мира», но из общего контекста письма читатели вправе были предположить, что он борется за мир по советской модели.

Принятое Монтаном решение ехать в СССР вызвало большой резонанс в общественном мнении и многих восстановило против него. Он получал анонимные письма с оскорблениями, угрозами, в окна его дома летели камни, незадолго до отъезда был сорван его концерт в «Олимпии», который должен был транслироваться по радио. Не поддержала его и левая интеллигенция: Сартр считал эти гастроли ошибкой, даже Арагон, сначала советовавший Монтану соглашаться, накануне отъезда счел это турне несвоевременным.

Французская пресса пестрела критическими статьями и карикатурами. «Фран-Тирер» писала, что благодаря Монтану теперь не будет новой войны: наш великий Ив уговорит Булганина разобрать все ракеты, Хрущёва — выступить с ним дуэтом на сцене, а их веселую песенку, несомненно, подхватят венгерские рабочие. После отмены концерта в «Олимпии» «Пари-Пресс» напечатала карикатуру: Хрущев разговаривает по телефону с Булганиным: «Ив Монтан просит прислать в Париж дивизию танков, чтобы обеспечить ему свободу петь со сцены». В то же время советская пресса превозносила Монтана за то, что он не поддался на антикоммунистическую пропаганду, а его гастроли были представлены как большой вклад в дело укрепления мира.

Среди писем, полученных Образцовым от слушателей во время гастролей Монтана, есть одно интересное

Ив Монтан и Симона Синьоре в Москве. 1956

письмо, автор которого, бывший военный и убежденный коммунист, обвиняет французского певца в том, что он осуждал действия Советского Союза в Венгрии: «А знаете, уважаемый гр-н Образцов, о чем пел Ив Монтан в Париже во время трагических событий в Венгрии? Я напомню Вам. Он пел о том, что советская армия устраивает в Венгрии “террор”, что убивает “истинных патриотов” Венгрии. Что мы “вмешиваемся” во внутренние дела Венгрии, “нарушаем ее суверенитет”. Да! Об этом он пел в унисон с Эдуардом Эррио, группой “прогрессивных” писателей Франции. <...>

Так-то пел Ваш служитель “делу дружбы, делу мира” — Монтан. Он пел черную песню вместе с мировой реакцией. <...>

Хорошо, что Вы напомнили “коричневую куртку” Монтана⁷. Мы хорошо помним коричневую униформу СС и воюющие бомбы фюрера» [38].

Трудно сказать, откуда у этого слушателя информация о взглядах Монтана на венгерские события, ведь он не делал на эту тему никаких официальных заявлений. Но в любом случае таких людей в стране были единицы, преобладающая часть населения знала о том, что произошло в Венгрии, только из сообщений советского радио и прессы, преподносящих одну официальную точку зрения. А в декабре 1956 года, по словам Симоны Синьоре, «Мо-

⁷ Монтан в то время обычно выступал в коричневой рубашке и брюках.

сква была одним из немногих городов на земном шаре, где не говорили о Будапеште» и знали только, что «на данный момент спокойствие восстановлено» [33, р. 161]. В большинстве случаев советская публика вообще не связывала приезд Монтана с венгерскими событиями, а лишь радовалась долгожданному гастролю своего кумира. Композитор Владимир Дашкевич вспоминает: «Когда в 1956 году после венгерских событий приехали Ив Монтан и Симона Синьоре, мы просто не очень связывали эти события. Мы знали, что они левые, что они сочувствуют коммунистам. Но это сейчас мы уже знаем, что происходило в мире в то время. Тогда мы просто не имели об этом никакой информации»⁸.

16 декабря Монтан вылетел из Парижа, и из-за двух непредусмотренных посадок в Праге и Вильнюсе прибыл в Москву только на следующий день вечером. Во Внуково французов встречала делегация советских деятелей культуры во главе с Образцовым, журналисты и сотни поклонников певца. Приветствуя собравшихся, Монтан заявил: «Я не политик, но у меня такое чувство и даже уверенность, что в настоящее время культурные связи важны как никогда раньше». Таким образом, с первых минут своего пребывания в Москве Монтан хотел избежать всякой политической окраски своих гастролей, он всего лишь артист, приехавший ради укрепления культурных связей между Востоком и Западом.

За месяц своего пребывания в Советском Союзе Монтан дал двадцать пять концертов: двенадцать в Москве (восемь в Концертном зале им. П.И. Чайковского и четыре на недавно построенном стадионе «Лужники»), семь в Ленинграде, в Доме культуры промкооперации, и шесть в Киеве, в оперном театре. В свободное от выступлений и репетиций время были запланированы посещения заводов, колхозов, домов культуры, школ и университетов, где его тоже просили исполнить несколько песен, и, по словам Симоны Синьоре, он всегда соглашался «поработать сверхурочно для тех, кто не имел возможности пойти в театр» [33, р. 178]. Для тех же, кому так и не удалось услышать Монтана вживую, были организованы трансляции его выступлений по радио (19 декабря 1956 г.) и по телевидению (2 января 1957 г.). Кроме того, он принял участие в съемках документального фильма «Поет Ив Монтан» Сергея Юткевича и Михаила Слущкого, прошедшего в кинотеатрах страны с большим успехом.

Билеты на концерты Монтана продавались недешево: официально максимальная стоимость билетов в «Лужниках» достигала двадцати дореформенных рублей, а в зал Чайковского — сорока рублей [39]; на черном рынке цены могли возрасти еще в два-три раза. Для большинства желающих попасть на концерт это были очень большие суммы, до половины месячной зарплаты. На некоторых предприятиях в нагрузку к билетам

на Монтана продавали билеты и на спектакли эстонских театров [40] — с 14 декабря в Москве проходила Декада эстонского искусства и литературы. Многие поклонники артиста были возмущены столь высокими ценами и задавались вопросом, почему Монтан, певец народа, требует таких огромных гонораров (хотя определенный процент с продажи билетов получали, несомненно, и организаторы гастролей). Один служащий морского флота в письме к Образцову спрашивает от лица матросов, которые не смогли попасть на концерт, «...почему-де так дорого берет Монтан за свои выступления, да еще в таком огромном зале, как в “Лужниках”? Что мог я ответить? Только то, что, будучи представителем народа, Монтан, очевидно, и свои доходы предоставляет в его распоряжение — так или иначе. <...> Но если Монтан (думаю, что это именно так) доходы от своих выступлений передает на хорошие дела, то почему же не объявить об этом? Чтобы еще укрепить те хорошие чувства, что питают к нему, а через него и к его стране наши люди?» [41].

Но и по высоким ценам достать билеты на концерт Монтана было чрезвычайно трудно. Зачастую они распределялись по блату, через знакомых или продавались по коллективным заявкам в различные организации. Продажа билетов через кассы началась только 16 декабря — за день до приезда Монтана в Москву и за три дня до первого концерта. Но огромные очереди выстроились намного раньше, примерно за два месяца до начала гастролей. «Франс-Суар» сообщала, что «были организованы ночные дежурства, нередко подключались терпеливые бабушки, чтобы сохранять место в очереди для своих внуков»⁹. Заводились специальные тетради, где записывали всех желающих купить билеты на концерт; «Литературная газета» писала, что у одного мужчины был номер 10207, и он был далеко не последним [42]. В конце пребывания Монтана в Москве ему была подарена эта «очередь» — несколько толстых и весьма потрепанных тетрадей.

После выхода передачи Образцова Монтан покорило сердца тысяч людей и обрел в Советском Союзе преданных поклонников своего таланта. Во время гастролей ему писали восторженные письма, нередко адресованные просто «Москва, Иву Монтану», писали Образцову с просьбами поздравить любимого певца с Новым годом, передавали подарки. Нередко в школах, вузах, Домах культуры устраивали вечера, посвященные творчеству Монтана, на которых исполняли его песни, зачитывали отрывки из его книги «Солнцем полна голова», готовили выставки. В честь французского певца даже называли новорожденных младенцев: один мальчик из Сибири получил имя Ивмонтан; близнецы — мальчик и девочка, — родившиеся в Казахстане во время гастролей Монтана, были названы Ив и Симона.

Люди восхищались самим Монтаном, его песнями, его исполнительской манерой. Вот одно из типичных высказываний слушателей в адрес певца: «Он поет чудесно —

⁸ Больше чем любовь. Ив Монтан и Симона Синьоре. Документальный фильм. 2007.

⁹ France-Soir. 1956. 21 décembre. Цит. по: [32, р. 366].

проникновенно и глубоко, чутко и задушевно. Прекрасны и необыкновенно оригинальны песенки, которые он поет. Такие прелестные песни мог создать только французский народ!» [43].

Впервые советские слушатели познакомились с творчеством Монтана после выхода радиопередачи, и большая часть аудитории впервые увидела певца на сцене только два года спустя, когда один из его концертов в Москве был показан по телевизору (хотя телевизор в середине 1950-х годов был далеко не в каждой семье, особенно в провинции). А до этого времени почитатели Монтана могли видеть фотографии своего кумира на страницах газет и журналов, представлять его пластику, его жесты по подробным рассказам Образцова, но покорены они были только голосом певца, его интонациями, манерой произносить слова: «Со своим небольшим, очень приятным голосом, с блестящим ритмом, дикцией и огромной эмоциональной насыщенностью он захватывает слушателя даже тогда, когда слушатель не видит его» [44].

Похожие высказывания повторяются во многих письмах: Монтан завоевал советскую аудиторию своим голосом, своими интонациями, своей эмоциональностью. Его полюбили, не видев никогда на сцене, но когда он приехал в СССР с концертами, как правило, публика не была в нем разочарована. Одна киевская школьница пишет Образцову: «Я знала, что он хорошо жестикулирует, но такого я не ожидала. Он просто поразил меня. Ив Монтан так свободно держится на сцене, что, если бы я не знала, кто это, то подумала бы, что это простой рабочий вышел из рядов зрителей, поднялся на сцену и запел! Хотя он поет на французском языке, сразу видно, о чем он поет. Такой замечательный!» [45].

Для большинства зрителей, не говоривших по-французски, только интонации и жесты Монтана позволяли понять, о чем он поет. В своей передаче Образцов подробно рассказал содержание некоторых песен, но отдельные слова и фразы остались непонятны. Однако это не стало препятствием для того, чтобы публика прониклась теми чувствами и переживаниями, которые Монтан вкладывал в каждую из своих песен. Корреспондент французской газеты «Либерасьон» пишет, что на одном из концертов он сидел рядом с молодой девушкой, у которой во время исполнения «Опавших листьев», как раз, когда Монтан запел о расставшихся влюбленных, по щекам покатились слезы. Он спросил, понимает ли она слова песни. «Девушка подняла на меня глаза, полные слез и, тщетно пытаясь улыбнуться, сказала тихим голосом: “Я не знаю французский <...> но это настолько грустно...”» [46].

Конечно, не все советские радиослушатели были единодушны в своей оценке Монтана. Конечно, негативных откликов было меньшинство — около десятка из более чем пятисот писем Образцову, хранящихся в РГАЛИ, однако и они имели место быть. После выхода «Певца Парижа» один из слушателей писал: «Вынужден отметить, что это была скучнейшая передача даже с участием т. Образцова. Запись на пластинке песен в исполнении

французского артиста было очень скучно слушать, и мы были вынуждены даже выключить приемник» [47].

Но зачастую зрители были против не столько самого Монтана, сколько, по их мнению, неоправданно восторженной реакции публики. Так, посмотрев телетрансляцию одного из московских концертов, один из зрителей пишет: «Концерт Монтана меня глубоко разочаровал, разочаровал главным образом несоответствием предварительных сведений о нем тому, что я увидел в действительности. <...> Я не хочу умалять достоинств Монтана. Монтан есть Монтан. Но я решительно осуждаю шум, поднятый вокруг его имени» [48].

Некоторые слушатели, опять же признавая в принципе талант Монтана, были возмущены восторженной речью Образцова после первого концерта в Москве, транслировавшегося по радио: «Вчера, когда Вы с приветственной речью обратились к Иву Монтану, нам стало больно и горько за Вас, за Вашу непродуманную фразу, унижающую наше русское искусство. Вот она: “Мы горды тем, что Вы (Ив Монтан. — *авт.*) к нам приехали”. Видимо “мы” — это советские люди. Не слишком ли много чести, в конце концов, для Ив Монтана, чтобы весь советский народ, имеющий богатейшую могучую культуру, был горд тем, что его Родину посетил французский, пусть незаурядный, артист» [49].

Подобное почитание французского певца считали чрезмерным не только зрители. Во время гастролей Монтана или сразу после их окончания в интеллигентских кругах широкое распространение получила сатирическая «Баллада о приезде Ива Монтана в Москву» поэта Владимира Полякова. По словам Евгения Евтушенко, встречавшегося с Монтаном и Синьоре в Париже, главным объектом осмеяния должен был стать сам французский артист, которого молодые участники самиздата сначала считали «аппаратчиком от культуры», певцом режима. Но после инцидента в ЦДЛ, о котором речь пойдет ниже, Поляков в своей поэме решил высмеять всех тех, кто чрезмерно, с его точки зрения, восторгался творчеством французского певца¹⁰. Прежде всего, это относилось к деятелям культуры — больше всего досталось Образцову, Утесову, Райкину и некоторым представителям писательской номенклатуры. В коротком авторском предисловии Поляков пишет: «Поэма сия, написанная разным слогом и стилем, с неременным уважением к даровитым артистам Франции, имеет своей целью выставить на осмеяние тех достопочтенных деятелей искусства, кои в поисках саморекламы и в чрезмерном преклонении перед всем иноземным предали забвению немаловажные чувства собственного достоинства» [50]. Заканчивается же поэма словами:

Монтан гремит на всю Европу,
Спасибо, что приехал он,
Но целовать за это в ...
Как говорится, миль пардон [51].

¹⁰ См.: [35, p. 180].

В то же время в честь Монтана было написано немало восторженных песен и стихотворений. В письмах слушателей иногда встречаются пусть не очень складные, но искренние строки о французском певце, поэтические переложения на русский язык его песен, пересказанных Образцовым. Вот отрывок из «стихотворного экспромта», присланного сотрудником Харьковской филармонии с просьбой передать его Монтану:

Монтан в Париже, Ив далеко,
Но нашим врагам в науку —
Он песней своей, как друга рукой,
Сжимает сейчас мою руку.
И я, с парижанами заодно,
Забыв про приемника щелк,
Кричу в приемник, как в мира окно:
Encore, Монтан, еще! [52].

Незадолго до приезда Монтана в Советский Союз Марк Бернес записал песню Бориса Мокроусова на стихи Якова Хелемского «Когда поет далекий друг», сразу же ставшую чрезвычайно популярной у советской публики:

Задумчивый голос Монтана
Звучит на короткой волне,
И ветки каштанов,
Парижских каштанов
В окно заглянули ко мне.

Когда поет далекий друг,
Теплей и радостней становится вокруг,
И сокращаются большие расстоянья,
Когда поет хороший друг!

Как впоследствии вспоминала Симона Синьоре [33, р. 164], где бы они ни оказались во время своего турне, везде слышалась эта песенка — либо кто-то просто напевал ее себе под нос, либо она исполнялась со сцены как на русском, так и на французском языке в переводе Алис Оран¹¹. Во время гастролей Монтана в СССР родилась и пародия на эту песню:

Когда поет в Москве Монтан,
Опустошается студенческий карман
И сокращаются расходы на питание,
Когда поет в Москве Монтан.

Вот несколько примеров дружеских эпиграмм, написанных во время турне Монтана:

Мы помним Бульвары Большие —
Французской столицы лицо,
Вы, Ив, увидели впервые
Московских бульваров кольцо.
Нам Франция — близкого ближе...
Десяток, без малого, дней
Вы пели Москве о Париже, —
Так спойте ж Парижу о ней! [53].

А вот стихотворная подпись к дружескому шаржу Кукрыниксов на Монтана, изображающему его на сцене, в коричневой рубашке и брюках, среди своих музыкантов (напечатан на последней странице обложки журнала «Огонек»):

С Москвой познакомясь поближе,
По всей вероятности, Вы
Воспеть вдохновитесь в Париже
Большие бульвары Москвы [54].

Причин небывалого интереса к творчеству Монтана и оглушительного успеха его песен в Советском Союзе несколько. Это и благоприятное время начала хрущевской оттепели, когда железный занавес между СССР и Западом слегка приподнялся и стали понемногу налаживаться культурные связи с другими странами. Большое влияние оказала передача «Певец Парижа», с замечательными комментариями Образцова, которым Монтан, несомненно, обязан немалой частью своей популярности в СССР. Это также и несравненное мастерство французского артиста, его талант певца и актера, достойно оцененный советской публикой. Но, насколько можно судить по письмам слушателей, одной из основных причин была новизна творчества Монтана, его внешнего облика и манеры исполнения своих песен со сцены, принципиально отличавшихся от принятых на советской эстраде 1950-х годов: «И еще мне понравилось, что Ив Монтан выступает не во фраке, а в простой одежде. По-моему, это должно приближать певца к слушателям, простым людям. А что у нас получается? Человек поет о стройке, о комбайнере и т. д., а у самого под подбородком бантик с бабочкой по моде прошлого столетия и фрак с хвостиками» [55].

Надо заметить, что не все почитатели французского артиста так критически относились к современной им отечественной эстраде. Многие зрители отдавали должное Монтану, полюбили мелодии и сюжеты его песен. Поскольку мало кто из публики владел французским, к Образцову нередко обращались с просьбами перевести тексты песен Монтана на русский и дать исполнить их советским певцам или даже попросить самого Монтана спеть по-русски: «<...> если бы он мог эти песни петь на русском языке, это было бы еще лучше, так как мы — русские и мало кто понимает его язык — французский. Музыка хорошая, прекрасное исполнение, но все же пахнет иностранщиной; голос приятный, но непонятен простому люду, простым рабочим» [56].

Таким образом, часть публики восторженно принимала творчество Монтана таким, какое оно есть, другая часть хотела взять от него для советской эстрады некоторые особенности его репертуара или исполнительской манеры. Но в любом случае свежесть, новизна и необычность сценического образа Монтана стали одной из определяющих причин такой популярности певца в СССР.

Другой причиной успеха Монтана у советской публики был интерес немалой части аудитории к Франции, к французской культуре. Париж всегда считался горо-

¹¹ Этот перевод в целом соответствует первоначальному тексту Я. Хелемского. Вместе с тем, в начале 1960-х годов Франсис Лемарк, французский поэт, композитор и исполнитель, написал для Монтана на ту же мелодию совершенно другие слова, хотя название «Далекий друг» (Ami lointain) было сохранено.

дом любви, моды и элегантности, хотя для подавляющего большинства советских людей так и остался недостижимой мечтой. Один из слушателей пишет Образцову: «<...> для нас, русских, Париж, хотя бы и никогда не виденный, — знакомый с детства город. По его улицам мы бродили со столькими героями прочитанных книг, что слушаем рассказ о нем так, будто вот приехал друг, побывавший в городе, где мы сами бывали когда-то, и рассказывает — как-то там теперь все?» [57].

Среди самых восторженных почитателей творчества Монтана немало людей, для кого французский язык стал их специальностью (преподаватели, учащиеся языковых школ, студенты факультетов иностранных языков) и для кого важно поддерживать связь со страной, которую они любят, узнавать что-то новое о ее культуре, литературе, искусстве, повседневной жизни: «Вы помогли советским людям почувствовать и полюбить Францию, мою Францию! Да, мою Францию! Хотя я советский человек — всего лишь харьковский еврей. Франция завораживает. Тот, кто знает ее язык и слышит его каждый день и читает, и поет, и думает по-французски, — не может не любить Францию» [58].

Конечно, для людей, так увлеченных французской культурой, передача Образцова, где он делится своими впечатлениями от поездки во Францию и знакомит слушателей с творчеством Ива Монтана, стала настоящим открытием. Ведь немногим советским людям удавалось поехать за границу и увидеть все собственными глазами. Кроме того, для многих людей песни Монтана стали единственной возможностью услышать настоящий французский язык с правильным произношением: «Слушать песни французского народа на их родном языке — большое удовольствие для советского слушателя, а тем более для меня, преподавателя французского языка. Нам, преподавателям иностранных языков, очень редко приходится слушать что-нибудь на иностранном языке, а тем более разговаривать на нем, к тому же, если работаешь в селе. Поэтому, слушая передачу на французском языке, я напрягала все усилия, чтобы как можно более понять слова песни, вслушиваясь в музыкальное произношение французской речи, а это очень важно, потому что очень быстро забывается произношение иностранного языка, если никогда не слышишь его» [59].

Таким образом, любовь и интерес к Франции для многих слушателей стали ключом к восприятию творчества Монтана, во многом повлияли на успех артиста в Советском Союзе. Хотя в то же время было верно и обратное: эти песни, в свою очередь, сами позволяли лучше понять и почувствовать Францию и ее народ. По словам одной из слушательниц, «если душа народа — это песня, а песня — душа народа, — то чудесная душа у этого народа!!!» [60].

Соглашаясь на гастроли по СССР, Монтан рассчитывал своими глазами увидеть, как живут простые люди, познакомиться с верхушкой КПСС и прояснить мучительные вопросы относительно недавних венгерских событий. Ему представилась такая возможность, когда на один

из его концертов в зале им. Чайковского пришли члены Президиума ЦК КПСС: Хрущев, Молотов, Микоян, Булганин и Маленков. После окончания выступления Монтан и Синьоре были приглашены на ужин, во время которого и состоялась их личная беседа с первыми лицами Советского Союза. Информация об основном содержании этого разговора взята из книги воспоминаний Симоны Синьоре «Ностальгия уже не та, что прежде» [33, р. 168—175]. Книга вышла в 1976 году, двадцать лет спустя после этих событий, поэтому нельзя с уверенностью утверждать, что реплики всех участников беседы переданы точно. Есть еще вышедшая позже, в 2004 году, статья Надежды Нечаевой [61], переводчицы, работавшей с Монтаном и присутствовавшей на этой встрече, но она в основном повторяет то, что было написано у Синьоре.

Разговор начался с тостов и ничего не значащих слов о прошедшем концерте, но постепенно превратился в словесную дуэль между четой Монтанов и Хрущевым. Хрущев спросил, действительно ли для артистов было трудно приехать в тот момент из-за давления на них фашистов. Монтан возразил, что трудности возникли в первую очередь из-за действий Советского Союза в Венгрии. И дальше стал объяснять, что он всегда сочувствовал коммунистическим идеям, хотя на тот момент у него лично не было поводов жаловаться на капиталистический строй. И вот он, как и многие другие, кто сочувствовал коммунистам, был шокирован вводом советских танков в Будапешт, из-за чего не мог с легким сердцем отправиться на гастроли в СССР. Хрущев со своей стороны, чтобы объяснить положение дел в социалистических странах и необходимость подавления венгерской контрреволюции, стал пересказывать свой доклад на XX съезде, перечислять все сталинские преступления, которым, однако, никто не противился из-за страха за свою жизнь и из-за нежелания выступать против социализма. А что касается недавних событий, заметил Хрущев, то это сами венгры призвали на помощь советские танки для спасения социалистической системы. Монтан в свою очередь принялся рассказывать о недоумении и растерянности, царивших в кругах французских коммунистов после венгерских событий. Члены Президиума слушали так, как будто ничего об этом не знали, но, по словам Симоны Синьоре, вид у них был такой, будто им это безразлично. В конце беседы Монтан прямо заявил, что его приезд в Советский Союз ни в коем случае не означает его одобрения и поддержки венгерских репрессий, несмотря на то, что во Франции и СССР его приезд был расценен именно так. Разумеется, в советских радио и печати не появилось никакой информации ни о содержании беседы Хрущева с Монтаном, ни о самом факте их неофициальной встречи. Но тем не менее на следующий день по Москве уже ходило множество слухов. Сами Монтан и Синьоре рассказали об этом разговоре только Илье Эренбургу.

После встречи с Хрущевым его и без того уже ослабленная вера в коммунизм была подорвана окончательно.

За всё время пребывания в СССР Монтан лишь один раз позволил себе публично высказаться по поводу советской системы. Французские артисты были приглашены на вечер в Центральный дом литераторов, и Монтан согласился прийти только при условии, что он не будет петь. Он и так давал по несколько концертов в день и не собирался дополнительно выступать перед теми, кто вполне мог позволить себе купить билет. Его заверили, что это будет дружеская встреча с деятелями культуры, ничего больше, однако первое, что артист увидел при входе в зал, было пианино и микрофон, а собравшиеся после выступления нескольких советских оперных певцов стали скандировать: «Ив Монтан, одну песню!» Скрепя сердце, Монтан запел «Парижского мальчишку», но после первого куплета внезапно остановился и быстро направился к выходу в сопровождении супруги и музыкантов. Перед тем, как покинуть зал, Монтан разразился потоком ругательств в адрес собравшихся («мерзкие кретины» — *sales cons* — было из них еще не самым оскорбительным), обвиняя их в демагогии, оппортунизме и недавнем восхвалении Сталина. Большая часть публики была достаточно образованной, чтобы все понять без перевода, и на следующий день этот выпад Монтана обсуждался во всех кругах московской интеллигенции.

В конце жизни Монтан признавался, что после гастрольной поездки по Советскому Союзу его вера в советский строй была сильно поколеблена: «Меня выводила из себя <...> группа людей, которая нас сопровождала повсюду, людей, которые, по-видимому, сами жили прекрасно. Но этот санитарный кордон не мог помешать нам увидеть женщин любых возрастов, подметающих в холод улицы, убирающих на морозе снег или выполняющих тяжелую работу на заводах. <...> Когда мы искали дом Эренбурга, мы случайно столкнулись с реальной повседневной жизнью советских людей, которую наши сопровождающие всеми силами стремились от нас скрыть. Мы заблудились в отдаленном пригороде, застроенном жалкими деревянными лачугами, в которых жили по несколько семей. Все это меня шокировало» [35, р. 196—198].

Еще один пример, о котором вспоминает Монтан: однажды в Москве к нему за кулисы проник молодой армянин и умолял его помочь ему выбраться из СССР, ибо жить в этой стране невозможно. В то же время, хотя в Советском Союзе Монтан многое увидел и многое понял, на тот момент он не хотел окончательно порывать отношения с компартией и выступал за дальнейшее продолжение культурного обмена между Востоком и Западом. Возможно, именно поэтому он был так возмущен, когда не нашел своего имени в статье о международных культурных связях, напечатанной в апреле 1957 году в «Нуэвель де Моску». Монтан отправил письмо написавшему статью заместителю министра культуры Н.Н. Данилову, спрашивая, почему его не упомянули среди тех артистов, которые «способствовали укреплению мира и дружбы между народами. Прискорбно, если это сделано по Вашей забывчивости. Если же это сделано сознательно, то я сожалею

об этом». Сейчас трудно сказать, было ли умышленно не упомянуто имя Монтана или по невниманию, но на документе стоит резолюция «надо придумать, как поправить это дело», а в ответном письме Данилов уверяет певца, что «это произошло по недоразумению» [62].

Ив Монтан был первым французским певцом, чье творчество стало широко известно и любимо в Советском Союзе после смерти Сталина. Его приезд на гастроли стал для многих сигналом того, что железный занавес между СССР и Европой начал понемногу приподниматься и людей ожидает хоть небольшой глоток свободы, общение с внешним миром. Кульминационным моментом в этом процессе стал проходивший в Москве в 1957 году Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Ив Монтан фактически открыл для советской публики современную французскую песню, которую так полюбили в СССР. Начиная с 1960-х годов, на гастроли в СССР стали ездить многие французские исполнители: Шарль Азнавур, Жаклин Франсуа, Жак Брель, Жильбер Беко, Мирей Матье, Франсис Лемарк, Сальваторе Адамо и др.; благодаря усилиям Н.П. Кончаловской, советская публика узнала и полюбила песни Эдит Пиаф. И хотя все эти исполнители восторженно принимались зрителями и их у нас любят до сих пор, ни один из них уже не имел такого оглушительного успеха по всей стране, каким пользовался в 1950-е годы Ив Монтан.

Список литературы

1. Туровская М. Образцов рассказывает о Монтане // Советская культура. — 1954. — 30 дек.
2. Рыклин Г. Рассказ о песне // Литературная газета. — 1955. — 3 февр.
3. Муратов С., Фере Г. Размышления у радиоприемника // Советская культура. — 1955. — 12 апр.
4. Владимиров А. Зарубежная музыка по радио // Советская культура. — 1955. — 17 сент.
5. Измайлова Р. Поет Ив Монтан // Советская культура. — 1954. — 19 окт.
6. Образцов С.В. Ив Монтан, певец Парижа // Иностранная литература. — 1956. — № 5.
7. РГАЛИ. Ф. 2732. Оп. 1. Ед. хр. 1070. Л. 20. Письмо от 20 декабря 1954.
8. РГАЛИ. Ф. 2732. Оп. 1. Ед. хр. 1075. Л. 47 об. Письмо от 6 января 1955.
9. РГАЛИ. Ф. 2732. Оп. 1. Ед. хр. 1074. Л. 27 об. Письмо от 3 января 1955.
10. 500 000 пластинок с песнями Ива Монтана // Смена. — 1957. — 8 янв.
11. РГАЛИ. Ф. 2732. Оп. 1. Ед. хр. 1066. Л. 136—136 об. Письмо от 26 мая 1956.
12. РГАЛИ. Ф. 2732. Оп. 1. Ед. хр. 1066. Л. 59. Письмо от 11 января 1955.
13. Поет Ив Монтан. — М.: Музгиз, 1956.
14. Французские песни. Из репертуара Ива Монтана. — М.: Музгиз, 1956.
15. Юткевич С. Герои песен Монтана // Советская культура. — 1956. — 27 дек.
16. Бернес М. Поет Ив Монтан // Вечерняя Москва. — 1956. — 20 дек.

17. Гаевский В. Ив Монтан на эстраде // Театр. — 1957. — № 3.
18. Васина-Гроссман В.А. Ив Монтан и его песни // Советская музыка. — 1957. — № 5.
19. Montand Y. Du soleil plein la tête. — Paris: Les Éditeurs Français Réunis, 1955.
20. Монтан И. Солнцем полна голова. — М.: Правда, 1956.
21. Монтан И. Солнцем полна голова. М.: — Молодая гвардия, 1956.
22. Монтан И. Солнцем полна голова. — М.: Искусство, 1956.
23. РГАЛИ. Ф. 2732. Оп. 1. Ед. хр. 1440. Л. 1—1 об. Черновик письма О.А. Образцовой И. Монтану от 20 апреля 1956.
24. РГАЛИ. Ф. 2732. Оп. 1. Ед. хр. 270. Л. 2—3. Черновик письма С.В. Образцова И. Монтану от 21 августа 1956.
25. Ив Монтан о поездке в Москву // Советская культура. — 1956. — 3 нояб.
26. Сориа Ж. Французская интеллигенция против парижских соглашений // Советская культура. — 1955. — 13 янв.
27. РГАЛИ. Ф. 2732. Оп. 1. Ед. хр. 1067. Л. 24. Письмо от 15 декабря 1954.
28. РГАЛИ. Ф. 2329 (Министерство культуры СССР). Оп. 8. Ед. хр. 365. Л. 66. Записка министру культуры Н.А. Михайлову, без подписи, [начало декабря 1956].
29. РГАЛИ. Ф. 5 (Центральный комитет КПСС). Оп. 36. Д. 24. Л. 177. Письмо заведующего Отделом культуры ЦК КПСС Д.А. Поликарпова и заведующего сектором Отдела культуры ЦК КПСС Б.М. Ярустовского в ЦК КПСС, 3 декабря 1956.
30. Harassés, mais enthousiastes Yves Montand et Simone Signoret terminent *les Sorcières de Salem* avant leur départ pour l'URSS, le 12 novembre // Humanité. — 1956. — 3 novembre.
31. Sirinelli J.-F. Intellectuels et passions françaises. Manifestes et pétitions du XXe siècle. — Paris: Fayard, 1990.
32. Hamon H., Rotman P. Tu vois, je n'ai rien oublié. — Paris: Seuil/Fayard, 1990.
33. Signoret S. La nostalgie n'est plus ce qu'elle était. — Paris: Seuil, 1976.
34. Ерофеев В.И. Дипломат: книга воспоминаний. — М.: Зебра Е, 2005.
35. Montand raconte Montand. Récit recueilli par Hervé Hamon et Patrick Rotman. — Versailles: Feryane, 2002.
36. РГАЛИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 24. Л. 175. Письмо министра культуры СССР Н.А. Михайлова в ЦК КПСС от 29 ноября 1954.
37. РГАЛИ. Ф. 2732. Оп. 1. Ед. хр. 710. Л. 3.
38. РГАЛИ. Ф. 2732. Оп. 1. Ед. хр. 1083. Л. 21 об. — 22 об. Письмо от 23 декабря 1956.
39. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 8. Ед. хр. 365. Л. 67. Записка министру культуры Н.А. Михайлову, без подписи, [начало декабря 1956].
40. РГАЛИ. Ф. 2732. Оп. 1. Ед. хр. 1083. Л. 1—2. Письмо от 16 декабря 1956.
41. РГАЛИ. Ф. 2732. Оп. 1. Ед. хр. 1083. Л. 29—29 об. Письмо от 24 декабря 1956.
42. Ильин Б. Очередь №10207 // Литературная газета. — 1956. — 18 дек.
43. РГАЛИ. Ф. 2732. Оп. 1. Ед. хр. 1066. Л. 101 об. Письмо от 16 февраля 1955.
44. РГАЛИ. Ф. 2732. Оп. 1. Ед. хр. 1066. Л. 63. Письмо от 15 января 1955.
45. РГАЛИ. Ф. 2732. Оп. 1. Ед. хр. 1125. Л. 114. Письмо от 21 января 1957.
46. Samaret V. A Moscou Yves Montand est obligé de «bisser» ses chansons pour répondre à l'enthousiasme // Libération. — 1956. — 25 décembre.
47. РГАЛИ. Ф. 2732. Оп. 1. Ед. хр. 1074. Л. 28. Письмо от 2 января 1955.
48. РГАЛИ. Ф. 2732. Оп. 1. Ед. хр. 1083. Л. 48 об. Письмо от 3 января 1957.
49. РГАЛИ. Ф. 2732. Оп. 1. Ед. хр. 1083. Л. 4. Письмо от 18 декабря 1956.
50. РГАЛИ. Ф. 3037 (К.В. Пугачева). Оп. 1. Ед. хр. 224. Л. 17.
51. РГАЛИ. Ф. 3037. Оп. 1. Ед. хр. 224. Л. 42.
52. РГАЛИ. Ф. 2732. Оп. 1. Ед. хр. 1125. Л. 4. Письмо от 12 января 1955.
53. РГАЛИ. Ф. 2566 (Э. Кроткий). Оп. 1. Ед. хр. 31. Л. 36. Эпиграмма на Ива Монтана.
54. Огонек. — 1957. — № 2.
55. РГАЛИ. Ф. 2732. Оп. 1. Ед. хр. 1077. Л. 62 об. Письмо от 11 февраля 1955.
56. РГАЛИ. Ф. 2732. Оп. 1. Ед. хр. 1083. Л. 36 об. — 37. Письмо от 27 декабря 1956.
57. РГАЛИ. Ф. 2732. Оп. 1. Ед. хр. 1075. Л. 66. Письмо от 9 января 1955.
58. РГАЛИ. Ф. 2732. Оп. 1. Ед. хр. 1066. Л. 41 об. Письмо от 3 января 1955.
59. РГАЛИ. Ф. 2732. Оп. 1. Ед. хр. 1069. Л. 2. Письмо от 17 декабря 1954.
60. РГАЛИ. Ф. 2732. Оп. 1. Ед. хр. 1068. Л. 1. Письмо от 15 декабря 1954.
61. Нечаева Н. И тогда Ив Монтан спросил Хрущёва: зачем? // Огонек. — 2004. — № 19.
62. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 8. Ед. хр. 606. Л. 103—107.